

Глава 18. Улики — Пэй Цзы ищет работу

Одноразовый телохранитель превратился в краткосрочного, да ещё и сам явился с предложением, — соответственно, изменилась и оплата. После переговоров стороны А и Б устно заключили договор найма: на время службы сторона А обеспечивает стороне Б еду, одежду, жильё и транспорт, а также выплачивает 50 лянов в месяц; сторона Б, в свою очередь, обязуется всем сердцем и со всей ответственностью охранять «нежную хризантему» стороны А.

С красивым и прекрасно владеющим боевыми искусствами телохранителем под боком Пэй Ситин лёг спать рано и проспал без перерыва шесть часов. Когда он поднялся, небо уже серело, а в коридоре всё ещё догорали ночные лампы. Во дворе двое ленивых слуг позёвывая подметали пол.

Пэй Ситин собрал волосы и вышел во двор делать утреннюю разминку в одном белом нижнем одеянии. Слуги уже привыкли: если поначалу спрашивали «Что это делает третий молодой господин?», то теперь лишь думали «Третий молодой господин весьма усерден» — и ничуть не удивлялись. Порой они даже повторяли за ним комплекс «Бадзюаньцзина». Через полчаса, ровно по времени, слуга наполнил бадью горячей водой. Пэй Ситин вымылся, переделся, съел два цзунцзы (клейкий рис с начинкой) — и отправился в кабинет рисовать.

Юань Фан сидел неподалёку, скрестив ноги на низкой софе, и чистил ароматный цзунцзы, завернутый в полынный лист.

— Слышал, немало знатных людей в последнее время заказывают у тебя картины. Почему ты им отказываешь, а вместо этого несёшь работы в художественную лавку? Там ведь забирают тридцать процентов — совсем невыгодно.

— Эти люди просят у меня картины в основном из-за Цюй-шаоцина. Как говорится, чего желает начальство — того желают ещё сильнее подчинённые, — Пэй Ситин, не поднимая головы, наносил мазки на сцены Праздника драконьих лодок. — Но если я приму их заказы, с чьего начинать?

Юань Фан, щеки которого были набиты клецкой, прожевал, проглотил и только потом сказал:

— Начать с того, кто знатнее?

— А если двое одного ранга? Как определить порядок? Приму заказ одного — другой подумает, что я перед кем-то заискиваю, — Пэй Ситин покачал головой. — Слишком хлопотно. Лучше дописать картину и отдать в лавку анонимно. Так я рисую то, что сам хочу, а покупатель действительно получает то, что ищет. И меньше поводов для споров.

— Верно говоришь, — Юань Фан очистил второй цзунцзы. — Но, кажется, ты и сам не слишком стремишься заработать. Иначе бы не переживал так сильно.

— Ничто не сравнится с моей целью, — сказал Пэй Ситин.

Юань Фан взглянул на него:

— Мало кто умеет так думать, а ещё меньше тех, кто осмеливается жить по-своему. Особенно в семьях, где правила сложные. Мы, люди боевых искусств, хоть и без светлого будущего и без роскошного богатства, и многие живут, слизывая кровь на лезвии ножа, — всё же вольнее.

Сказав это, он откусил большую часть цзунцзы и довольно заурчал.

Пэй Ситин хотел было тоже взять один, как вдруг раздался стук в окно. Снаружи послышался голос слуги:

— Третий молодой господин, к вам пришёл господин Ю из Управления Лунхэ!

Тон звучал так, будто сам Ямарадж* пожаловал к ним во двор.

Пэй Ситин положил кисть, посмотрел на человека, который ел цзунцзы, и задумчиво сказал:

— Похоже, возможность для нашего переезда появилась.

Тот в ответ посмотрел на него взглядом «ты должен ухватиться за шанс», и Пэй Ситин вышел из кабинета.

Ю Цзун стоял у ворот двора в официальной форме, заложив руки за спину. Высокий, стройный, с ровной осанкой и спокойным нравом. За ним следовал управляющий, ведущий гостя. Управляющий сложил руки, слегка ссутулился, лицо его застыло в угодливом выражении: стараясь выглядеть степенным и благородным, он всё же был охвачен страхом — ведь к ним явилось грозное божество из Управления Лунхэ.

Пэй Ситин быстро подошёл, сложил руки в приветствии:

— Господин Ю.

Ю Цзун кивнул:

— Прибыл по служебному делу. Не хотел тревожить госпожу Пэй и третьего господина, заставляя идти в парадный зал, потому направился прямо во двор Ванчунь. Прошу третьего молодого господина простить мою самовольность.

— Благодарю за заботу. Прошу пройти в зал, — Пэй Ситин велел управляющему удалиться и пригласил Ю Цзуна в передний зал для беседы.

Управляющий... растерянно уставился на спокойную, элегантную и уверенную фигуру третьего молодого господина. Словом, перед ним стоял какой-то совершенно незнакомый человек. Он развернулся и, ошеломлённый, поплёлся прочь.

По пути ему встретился Пэй Цзинтан:

— Что стряслось?

Управляющий торопливо пересказал историю о визите господина Ю прямо во дворец Ванчунь и взволнованно добавил:

— Управление Лунхэ пришло без предупреждения... нужно ли немедленно известить хозяина?

— Не нужно. Господин Ю пришёл один и направился прямо к Ситину, значит, он должен что-то разузнать, — Пэй Цзинтан облегчённо выдохнул и вернулся к двору.

Управляющий поспешил за ним и, понизив голос, задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Второй молодой господин, вам не кажется, что третий молодой господин... будто стал другим человеком?

— Что тут странного? Хорошие люди могут стать плохими, а плохие — хорошими. Почему Ситин не может изменить характер? — Пэй Цзинтан зевнул, намереваясь снова пойти спать, но управитель остановил его:

— А... вы сегодня занимались?

— ...

— Ох, милый мой молодой господин, экзамен — в августе! — отчаянно воскликнул управляющий.

— Всё равно я его не сдам, — пробормотал Пэй Цзинтан. — В этом году — нет, даже если сдавать ещё хоть сколько, всё равно не сдам.

— Сдадите вы или нет — это другой вопрос! А вот то, что в глубине души вы даже не хотите его сдавать, — вот что беда! — управляющий горестно вздохнул. — Если вы не сдадите в этом году, госпожа всё равно заставит вас сдавать ещё через три года. Разве это не добавит вам три года мучений? Почему бы не поднажать и не сдать всё разом?

— Даже если я сдам с первого раза, мне всё равно придётся готовиться к весеннему экзамену. После весеннего — дворцовый. Стану чиновником — меня отправят в глушь, и мне придётся искать способы проползти обратно в Йэцзин. Потом еще жениться, заводить детей и внуков, да? — Пэй Цзинтан скривился. — «Поднажать и сдать»... Это же вся жизнь — поднажать! Да и плевал я на эти экзамены. Если такой как я может их сдать, Дайе можно считать погибшей!

Не дав управляющему продолжить уговаривать его, Пэй Цзинтан развернулся, вернулся во двор за мечом и, сияя, вышел «творить справедливость».

•

— Сегодня я пришёл, чтобы расспросить третьего молодого господина Пэя и, если возможно, попросить о помощи, — сказал Ю Цзун. — В тот день на горе Писся, перед тем как вы выстраивались в очередь для входа в охотничьи угодья, в вас кто-то врезался? Женщина?

Пэй Ситин, сидевший напротив, кивнул:

— Женщина, переодетая мужчиной.

Ю Цзун провёл пальцем по чайной чашке:

— Как вы это поняли?

— Весной и летом одежда тонкая, а верховая — обтягивающая, так что даже если они перетягивают грудь, изгибы всё равно заметны. Плюс нарочно утончённый голос и загорелая кожа — всё это слабые места в маскировке, — Пэй Ситин произнёс с лёгким смущением: — Я это заметил, но не придал значения.

Ю Цзун покачал головой, показывая, что это не ошибка:

— У молодого господина и правда хороший глаз... но вы сказали «они»?

— Разве та, что была с ней, тоже не женщина? — Пэй Ситин изобразил ровно столько удивления, сколько нужно, и смущённо добавил: — Возможно, я ошибся.

— Вы не ошиблись. Та девушка, что столкнулась с вами, — жемчужина дома Шангуань, младшая сестра Шангуань Цзе. А другая — третья дочь семьи Ван с улицы Сигэн, — сказал Ю Цзун.

На улице Сигэн несколько семей по фамилии Ван, но если говорят просто «семья Ван с улицы Сигэн», подразумевают семью императрицы. Только вот императрица Ван умерла рано, а её брат, бывший цензор Ван Вэй, был отправлен в отставку за проступки три года назад. Когда-то процветавшая главная линия семьи пришла в упадок. Теперь осталась лишь третья ветвь — отец Ван Елая, чиновник Министерства юстиции.

Пэй Ситин сказал:

— Понятно... — но выглядел немного озадаченным. — Но я слышал, что госпожа Ван увлекалась буддизмом, а когда у неё начали случаться головные боли, она отправилась в храм для уединения ещё до неприятностей Ван Вэя. Разве третья госпожа Ван не сопровождала мать и не возвращалась в Йэцзин?

— Да. Поэтому, получив визитную карточку от давней подруги, госпожа Шангуань с радостью выехала встречать её за город и уже на следующий день взяла третью госпожу Ван на гору Писся, — сказал Ю Цзун. — Возвращение третьей госпожи Ван держали в тайне, потому что госпожа Шангуань переделалась вместе с ней в мужчину, чтобы войти на охотничьи угодья. Во-первых, так удобнее, во-вторых — чтобы прикрыть подругу. Она даже подкупила церемониальных стражей. Раз удостоверения были верные, стражники решили, что ничего страшного, — и пропустили.

Пэй Ситин вдруг понял:

— Несчастный случай с четвёртым молодым господином Чжао связан с третьей барышней Ван?

Ю Цзун кивнул:

— Но я подозреваю, что эта третья госпожа Ван — поддельная.

Пэй Ситин не стал спрашивать почему. Он поднялся:

— Понимаю. Я помню её лицо, нарисую портрет. Господин, прошу немного подождать.

Ю Цзун кивнул:

— Хорошо.

Слуга хотел было подлить ему горячего чаю, но Ю Цзун жестом остановил его. Он задумчиво поглаживал нетронутую чашку, всё время чувствуя, что с Пэй Ситином что-то не так, но это ощущение было словно тончайшая нить — едва коснёшься, и она тут же исчезает.

Спустя какое-то время Пэй Ситин вернулся в передний зал с рисунком.

Ю Цзун развернул его, взглянул и спросил:

— Это портрет в полный рост?

— На той самой «третьей госпоже Ван» были подбитые туфли, так что её настоящий рост должен быть пять и три чи, не больше, чем с половину цуня разницы. Кроме того, у неё есть

маленькая родинка на краю левой мочки уха. — Пэй Ситин смущённо улыбнулся. — Мы встретились всего на мгновение, так что я могу дать только столь скудные приметы.

— Молодой господин, вы слишком скромны. Ваша наблюдательность и проницательность недоступны обычным людям. — Ю Цзун свернул портрет, поднялся и сказал: — Это очень полезная вещь. Когда я выясню всё до конца, обязательно представлю вас к награде.

Сразу после этого Ю Цзун заметил, что в глазах Пэй Ситина мелькнуло колебание — будто тот хочет что-то сказать, но никак не решится. Он произнёс:

— Если есть что сказать, говорите прямо.

— Тогда я скажу. — Пэй Ситин прочистил горло; голос стал тише, словно он собирался с духом. — Мне интересно... нет ли у вашего ведомства свободных мест?

Ю Цзун опешил.

— Вы хотите вступить в отдел Лунхэ?

— Мне не по чину замахиваться так высоко, но ведь в управлении есть люди, занимающиеся письмом? — Пэй Ситин указал на портрет в руках Ю Цзуна. — Например, такие разыскивающие портреты я вполне могу рисовать. Качество... вряд ли будет слишком уж плохим, верно?

Третий молодой господин Пэй смотрел на него с искренней надеждой. Ю Цзун не относился к мягкосердечным людям, но только что он сам просил у него помощи — и сейчас не мог проявить полное равнодушие. Вежливо отказав, он сказал:

— Канцелярские должности есть, но они не имеют чинов. Если вы всерьёз займётесь подготовкой к экзаменам, путь перед вами будет куда шире. Зачем идти к нам?

— Мне не важны ни должность, ни чин. Я... если честно, я не собираюсь быть чиновником. — Наконец скрытая цель Пэй Ситина дала о себе знать. — Но я слышал, что в управлении Лунхэ есть собственное общежитие?

— Мы часто заняты по ночам, так что жить при управлении действительно удобнее. Конечно, некоторые снимают жильё поблизости. К тому же есть люди из бедных семей — в Йэцзине жильё дорого, и снять, и купить, так что им ничего не остаётся, как жить в управлении. — Ю Цзун сделал паузу. — Но чего вы добиваетесь?

— Я хочу иметь свободу — выходить когда хочу, сидеть допоздна, высыпаться, жить, как мне вздумается. — Пэй Ситин сложил руки в искренней мольбе. — Я понимаю, что не всякого возьмут в отдел Лунхэ. Да, это звучит несколько нахально и может показаться, будто у меня есть тайные намерения, но другого выхода я пока не вижу. Я приложу все силы. Господин Ю, я готов быть вашим художником бесплатно, без жалованья — только примите меня и дайте какое-нибудь номинальное место.

Этот молодой господин хочет найти повод уйти из дома. Управление Лунхэ расположено далеко, а во время работы его сотрудники могут не появляться дома месяц-другой. Посторонние не смеют совать нос в то, что происходит внутри. Для побега — действительно идеальное место.

Ю Цзун не стал высказывать свою мысль, но и согласиться сразу не мог. Он сказал:

— Отдел Лунхэ не похож на прочие учреждения. Им не ведает Императорский двор; всё решает Его Высочество кронпринц. Кроме того, мы ведаем делами конфиденциальными, так что вход и выход не всегда свободны.

Пэй Ситин при этих словах сжал губы, и блеск в его глазах моментально погас. Он весь съёжился, глаза чуть покраснели — словно он вот-вот расплачется. Опустив голову, глухо произнёс:

— Понятно.

Ю Цзун помедлил, а затем, немного подумав, сказал:

— А если я сначала доложу об этом Его Высочеству?

Глаза Пэй Ситина мгновенно вновь загорелись. Он тут же воскликнул:

— Спасибо вам, господин Ю! Вы — самый лучший человек на свете!

*бог смерти и справедливости в буддизме

<http://bllate.org/book/11881/1062423>